

Мария Якунина
(Санкт-Петербург)

ТЕЛЕГРАММА

- Тогда сиди голодная, бабка.

Я швырнула тарелку с нетронутым пюре в мойку и пошла на балкон, на ходу вытирая руки. С каждым днем все хуже. То встает и ест среди ночи прямо у открытого холодильника, то корми ее с ложечки, то вообще отказывается от еды. Сил нет смотреть на эти тонкие, как у семилетней девочки, руки, которыми когда-то она могла отвесить такую оплеуху, что соседские мальчишки вмиг разлетались по углам двора.

Я докурила и вернулась в комнату, впустив порцию морозного воздуха. Лежит, смотрит в потолок. Накрыла ее одеялом.

- Плохая девочка, - скосила на меня глаза и тут же отвернулась с бесстрастным выражением лица.

- Зато ты очень хорошая, - отвечаю я и ухожу на кухню. На столе неразобранные документы — работать дома получается все меньше, а соседка Нина Петровна все дольше не открывает дверь, когда я прихожу с просьбой присмотреть за моей старушкой. И я ее понимаю: кому понравится смотреть, как лучшая подруга на глазах превращается в маленького ребенка — кидается едой и выдает бессвязные монологи — ядерная смесь из газетных статей и каких-то обрывочных детских воспоминаний. Ну и еще Витенька, конечно. Дедушку я никогда не видела, погиб на заводе, когда мама была совсем маленькой. Зная бабушкин характер, уверена, что при жизни ему крепко доставалось, зато с момента смерти бабушка перевела его в разряд ангелов, и с каждым годом ангельский чин дедушки все повышался. А с тех пор как у бабки поехала крыша, Витенька и вовсе превратился в супергероя.

- Обвалилась крыша многоэтажного дома, - бормотала бабка за завтраком, помешивая кофе коркой хлеба, намазанной сливочным сыром. - Витенька бы вам устроил. Витенька бы не допустил. Четверо военных погибли при проведении операции... Витенька выскакивает... Все вон отсюда! Мама довольна, Витенька молодец. Получит пряничек....

И так до бесконечности. Я начинаю подозревать, что, если бы мой дед не умер так рано, жизнь в мире стала бы похожа на диснеевскую сказку, в которой добро в лице Витеньки всегда побеждает.

Я очень зла на бабку. Я злюсь на нее с того дня, как все это началось. Бабка — единственный в мире человек, который знал ответы на все вопросы — например, как сделать так, чтобы казалось, будто в 12 лет у меня есть грудь (потому что у Светки есть и даже ее младшей сестре лифчик уже купили) или решить совсем не простую задачу из разряда: есть мама — 1 штука, папа-алкоголик — 1 штука (впрочем, о нем никто так давно ничего не слышал, что эта переменная неизвестна), у мамы есть новый муж — 1 штука и сын от нового мужа — 1 штука. Внимание, вопрос: сколько раз в год мама будет вспоминать о том, что в восьми трамвайных остановках у нее имеется

дочь в лице меня — 1 штука?

В торжественно купленный лифчик мы запихнули пышные подплечники, отрезанные с бабкиного парадного пиджака, а после редких маминых наездов, в которые она неловко обнимала меня за плечи и неизменно повторяла: «Ого, как выросла», мы сиделись с бабушкой «выпить»: она наливала себе рюмку коньяка, а мне в такую же рюмку с позолоченным ободком — густой вишневый компот. После выпитой рюмки бабушка чинно вытирала губы кружевным платочком и принималась рассказывать. Подозреваю, что у сотрудников органов опеки глаза бы полезли на лоб от тех историй, которые я слышала с пятилетнего возраста, но все эти байки о том, как в студенчестве бабушка с подружками украла помаду и духи из магазина, потому что денег не было, а замуж как-то выходить надо, или о том, как она на спор проехала в пальто, надетом на голое тело, от конечки до конечки, придерживая одной рукой запахнутые края, или случай, переполошивший всю поликлинику, когда бабушка с отборными «матами» выставила из кабинета пациентку, пришедшую, чтобы избавиться от ребенка — все эти легенды и анекдоты помогали мне как-то пережить очередной день острого ощущения ненужности маме.

А теперь бабушка руками вытаскивала из супа картошку, строила убежища из книг и стульев, а пару месяцев назад попыталась развести на обеденном столе костер, потому что замерзла. Спасибо хоть на том, что ванной и уборной она по-прежнему пользовалась самостоятельно и вовремя. Как-то я, опасаясь, что она может поскользнуться и упасть, предложила помочь ей. Бабушка смерила меня фирменным царственным взглядом:

- Анфиса, Вы что, дура? - и дверь в ванную захлопнулась перед моим носом.

Анфисой звали медсестру, которая проработала с ней в одном кабинете 30 лет, ежедневно получая дикий нагоняй по самым разным поводам, а на бабушкиных проводах на пенсию тихонько роняла слезы в тарелку, пока не дождалась того, что бабушка наорала на нее и сказала, что Анфиса должна радоваться: Бог хоть на старости лет избавил ее от ежедневных выволочек, а она давится соплями, как девчонка, которую мальчишки с улицы заставили жрать грязь. После этого бабушка первый раз на моей памяти расплакалась, и они с Анфисой, которая без конца всхлипывала и приговаривала «Тамара Федоровна, ну как же так, Тамара Федоровна...», обнимались полчаса.

Эту Анфису она вспоминала в последнее время, когда я ее чем-то раздражала. А раздражала я ее часто — одергивала, поправляла, перебивала, пыталась привлечь внимание к излюбленным темам. Я злилась, потому что она плохо старалась. Я была уверена, что моя всемогущая бабушка может справиться с чем угодно, и если по-настоящему захочет, то выберется и из этого идиотского кокона, носившего сложное медицинское название, запомнившееся мне только словом «прогрессирующий» и виноватым видом усталой докторши, когда я спросила, могут ли реально помочь все эти таблетки, которыми я пичкала бабушку по сто раз в день, а она, видимо, считая

это увлекательной игрой, с силой плевалась ими, стоило мне отвернуться.

Я и раньше не отличалась особым терпением (помню ту величайшую в истории человечества битву, когда я пыталась научить свою упрямую бабушку отправлять сообщения, чтобы она прекратила донимать меня звонками на работе. Не знаю, научилась ли она их писать, потому что в этот вечер телефон разлетелся вдребезги, запущенный в стену крепкой бабкиной рукой, но, купив новый, мы предпочли не возвращаться больше к теме освоения современных технологий, а сейчас и вовсе выходила из себя по любому поводу. В офисе, где я последние пять лет занималась не особо увлекательной, но вполне сносно оплачиваемой работой, напряжение нарастало, и я хорошо знала почему: мой начальник был одним из лучших руководителей, о которых мне приходилось слышать, но я не знаю ни одного вменяемого работодателя, которого бы устраивал постоянно отпрашивающийся сотрудник. Да и когда я проводила на работе целый день, толку от меня было мало — все мысли сводились к нашей небольшой квартирке, в которой одинокая сухонькая старушка в лучшем случае часами смотрит в потолок, а в худшем — пытается спуститься с балкона на свидание к Витеньке, умершему 45 лет назад.

Бабуку больше нельзя было надолго оставлять одну. Это я понимала. А еще нельзя было уйти с работы и жить на одну только ее пенсию, которая почти целиком уходила на лекарства. И нельзя было отказаться от лекарств, даже если в них в самом деле не было никакого смысла. И было еще два огромных, горящих ярко-красными буквами «нельзя»: обратиться за помощью к бабкиной дочери, то есть моей маме, которая по мере моего взросления стала появляться настолько редко, что тоже перебралась в разряд неизвестных переменных, и сдать бабуку в психушку. И то и другое было самым настоящим предательством, совершив которое, можно было только незамедлительно покончить с собой. Это было, кстати, еще одно «нельзя», хоть я и размышляла о нем частенько.

Был еще Витя, но об этом нельзя было даже размышлять. Ибо, выставив человека за дверь и проигнорировав все его попытки к примирению, было бы в высшей степени странно звонить ему спустя полгода и ждать, что меня примут с распростертыми объятиями. До болезни бабки я думала о нашей ссоре так много, что в конце концов уже не могла вспомнить, что меня так сильно злило. Зато я отлично помню все, что сказала мне бабушка, когда я вернулась в квартиру, захлопнув дверь за Витей. Потому что такой крепкой ругани я не слышала в свой адрес с тех пор, как в девятом классе не явилась домой ночевать, оставив записку, гласившую, что я сама могу распоряжаться своей жизнью, поэтому еду к Игорю на дачу и останусь там на все выходные. Бабушка отправилась на дачу первой же электричкой, узнав адрес у моей насмерть перепуганной подруги, и в весьма образных выражениях сообщила нам с Игорем, что своими руками помогла появиться на свет сотням людей, но может этими же самыми руками и «отправить любого к чертям в ад, где нам самое место». После этого случая моя первая «взрослая»

любовь очень быстро закончилась. Позже были другие, объекту каждой из которых бабка присваивала какое-нибудь уничижительное прозвище (самым мягким из них было «соплежуй»). Всем, кроме Вити. Во-первых, он был Витенькой, что автоматически возводило его в ранг небожителей. Во-вторых, врачом, что делало его божеством первого уровня. Я еще сомневалась, не кинуть ли его номер в черный список после первого свидания, а бабка уже прикидывала, как бы в кратчайшие сроки наконец обучить меня азам кулинарии, ибо «Витеньке нужна нормальная жена, а не чёрт знает что». В общем, эти двое спелись, и, когда я объявила, что ноги Витенькиной больше не будет в нашем доме, бабка не разговаривала со мной две недели (разумеется, после того, как перечислила все мои умственные и моральные изъяды).

Ответы на вопросы не находились, голова гудела, желудок противно ныл (после попыток накормить бабку у меня самой аппетит пропал напрочь), стопка договоров и счетов на столе не исчезала.

Я не позвонила, Витя не вернулся, бабка сошла с ума. Год удался.

Я положила голову на пачку документов и закрыла глаза, чтобы не видеть буквы и цифры, расплывающиеся прямо перед глазами.

... Тамара Фёдоровна беспокойно заворочалась на кровати. Хотела встать, но ее охватила ужасная слабость. Закрыла глаза, но чувство тревоги не исчезало.

- Томка, Томочка, - позвал откуда-то ласковый голос, и она окончательно проснулась. Огляделась по сторонам, не узнавая комнату.

- Тома, - раздалось снова, и Тамара Федоровна вдруг вспомнила: это Витенька ждет ее.

Медленно спустила ноги с дивана, пытаюсь схватиться руками за стоящую рядом тумбочку, нащупала тапки. Сообразила, нужно идти на телеграф, давать Витеньке «молнию». Он в командировке, ждет ее в Москве, чтобы встречать Новый, 1960-й год, а с билетом на Москву ничего не вышло. Значит, ему нужно срочно мчаться к ней в Ленинград. Тамара Федоровна с трудом передвигает ноги и бредет в поисках телеграфа. В коленку больно вливается острый угол. Хочет потереть ушибленное место, но вдруг замечает заветное окошко. Она с облегчением выдыхает и наклоняется к окну поближе, хватаясь руками за его края: «Витя, прости. Не смогла приехать к тебе. Приезжай, пожалуйста».

Тамара Федоровна отдыхает, смотрит в темноту, улыбается. Все хорошо. Скоро Витенька будет в пути. Она тяжело опускается на кровать и засыпает, поглядывая на приветливо мерцающее окно...

Меня разбудил звонок в дверь. Спросонья по привычке испугалась, что бабка успела уйти и что-то натворить, пока я спала. Но она дремала на диване, без одеяла, прямо в своих любимых тапках с длинными восточными носами. На ходу стащила их с нее и пошла открывать. На пороге стоял Витя,

как всегда безукоризненно выбритый и отутюженный, в моем любимом мягком пальто. Я хотела что-то сказать, но внезапно рванулась — нет, не к Вите, к пальто, уткнулась в этого старого знакомого и, наконец, заплакала.

Через два часа все было улажено — Витя позвонил в больницу и договорился о сиделке для бабки, просмотрел список лекарств и объяснил мне, какие документы нужно собрать для бесплатного получения некоторых из них, и даже успел приладить поручень к дивану, чтобы бабке было удобно вставать. То ли на меня так подействовала вера бабки во всемогущество некоего абстрактного Витеньки, то ли просто нужно было поспать, но я вдруг тоже уверовала в то, что с приходом Вити начнут случаться чудеса. В какой-то момент мне даже показалось, что бабка сейчас узнает его и побежит на кухню: «Витенька, Вы голодны?»

- Посмотри, кто пришел, - уговаривала я ее, как маленького ребенка, присев рядом на диван. - Поздоровайся с Витей.

Он осторожно тронул меня за плечо:

- Не надо, не тревожь ее. Она так долго жила ради других. Может, сейчас ей хорошо в своем собственном мире.

И я вспомнила. Как же меня раньше злило, что он всегда и во всем прав. Неужели мне с детства было мало бабки, всезнающей бабки, которая даже мысли мои умела читать и была непреклонна в вопросах «хорошо» и «плохо»? А сейчас я, свернувшись клубочком и разглядывая Витю, пока он возился с диваном и звонил куда-то, чтобы договориться о сиделке и лекарствах, испытывала невероятное облегчение. С того самого момента, как бабка впервые не смогла найти дорогу домой и соседи привели ее — насупленную и пугающе молчаливую — я наконец была не одна и могла поговорить с кем-то, кто знал, что делать.

Было уже около десяти вечера, и Витя торопился в больницу на смену, а мы до сих пор еще не вспоминали обо всем, что случилось между нами, не говорили о том, что привело его в нашу квартиру сегодня вечером. За исключением первых нескольких минут, когда я самым непристойным образом кинулась ему на шею и перепачкала тушью пальто, Витя держался исключительно деловито, пытаясь разложить по полочкам мои бессвязные проблемы и страхи.

Он еще раз подергал поручень, проверяя его на прочность, и сложил инструменты.

- Я хотела тебе сказать... Мне было очень жаль. А потом все это случилось...

Витя присел перед креслом на корточки, погладил меня по щеке.

- Давай не будем об этом. Сегодня тебе нужен покой, это я как врач говорю.

Он поцеловал меня, и я почувствовала, как проваливаюсь в теплое спокойное облако — какое-то удивительное состояние, когда можно впервые за долгое время уснуть без страха. Мне хотелось сказать ему еще что-то, хотя бы «спасибо» за то, что появился именно сегодня, когда самыми радужными

моими мыслями были идеи безболезненного суицида, но глаза закрывались сами собой, и я, уже совсем засыпая, почувствовала, как Витя накрыл меня одеялом и еще раз поцеловал.

- Я очень рад, что ты написала. До завтра, - прозвучал откуда-то издали голос. Погас свет, и входная дверь тихонько закрылась.

Не знаю, сколько я проспала, но, проснувшись среди ночи, вспомнила, что нужно поставить будильник. Не включая свет, чтобы не будить бабу, принялась шарить по квартире в поисках телефона. Обнаружился он почему-то на бабушкиной тумбочке рядом с диваном. Я провела пальцем по экрану и замерла на месте. «Витя», - светилось в адресной строке, а внизу горело набранное чьей-то неумелой рукой сообщение: «ВИТЯ ПРЛСТИ НА СМОГЛАПРИЕХВТЬ К ТЕБЕ ПРИЕЗЖАЙ ПОЖАЛУЙТЕ».

Ничего не изменилось. Бабушка все так же спала на своем вечном диване, куда перебралась давным-давно, чтобы уступить мне самую удобную часть квартиры, отгороженную ширмой и похожую на небольшую комнатку. Все так же беспомощно белели на темном покрывале бабушкины руки, которыми она привела в этот мир сотни новых людей. Все таким же суровым было выражение ее лица, даже сейчас, во сне. И даже сейчас, сама, остро нуждаясь в помощи и защите, она каким-то непостижимым образом спасла меня, как спасала всю жизнь — от нелюбви собственной дочери, от слишком ранних разочарований, от воспаления легких в третьем классе, от меня самой, унаследовавшей ее гордый и неуступчивый характер.

Я не удержалась и, поправляя одеяло, впервые за долгое время поцеловала ее в щеку. Она открыла глаза, долго непонимающе смотрела в темноту, потом на секунду остановила свой взгляд на мне и нахмурилась:

- Плохая девочка.

- Я знаю, бабушка. Но я буду стараться.

... Поезд неспешно плывет к Московскому вокзалу в облаке снега и пара. Все ближе его огни, и вот уже виднеется Витина рука — раскрыл окно, хочет, чтобы она увидела его поскорей. А через минуту выглядывает из вагона: «Томка, я здесь!» Легко соскочив со ступенек, целует ее на виду у всех.

Тамара Федоровна слегка краснеет — столько лет вместе, а все кружится голова, как у девчонки. Витя обнимает ее за плечи, и они медленно бредут по перрону навстречу зимнему Ленинграду.